

В. П. Петров

ВЕСНА

Дохла нежная весна,
И вся природа пробудилась
Как будто ото сна,
И вновь переродилась;
Растаяли снега,
Древа зазеленели,
Порхая птички в них запели.
Рек быстрых струи,
Льдом кои тяготились,
Прозрачны покатались,
В пути журча свои.
Земфиры веют,
От плодотворной теплоты,
Одушевляются цветы,
Растения свежают.
То с длинной шеей гость, из
Дальних к нам земель,
Легит курлыча журавель;
То гусь под облаком гогочет,
Большого стада вождь; в прол еге удалом,
Он правя вниз крылом,
К нам кажется на пруд спуститс я хочет,
Напрягши жавронок гортань,
Весне прекрасной платишь дань;
То радости в избытке.
Взвивается треля, он к туче как по нитке;
То вдруг остановясь,
Там крылышками машет,
Играя и резвясь,
Поёт и пляшет;
И голос вдруг запря, оттуда кувырком,
Вниз падает как ком.
Другой певец прешибкой,
Душа велика, малый рост,
Скача на ветви гибкой,
Корючит к верху хвост;
Жарок,
Ярок,
Удал соловей,
Всех даром веселит музыкаю своей,

Сперва он цвикает, чуть слышен, понемногу,
И стелет голосу из горлышка дорогу;
Как грянет, полетят и ядра вдрызг и дробь;
То тоны все спешат,
И роши оглушает.
То ставит каждый стих особ;
Творенье малосно,
Всю часто ночь насквозь кричит безугомонно;
Один, в густой тени под солнцем иль луной;
Поет, сразится рад, лир лучших со струной;
Одна, не диво ли? И крошечная глотка.
Свирель, труба, тимпан, трещотка;
То гаркнет, то прервет;
Визги,
Мызги,
Стуки, Звуки Издает;
Захлебывается, в клуб голос собирает,
Частит его рядить,
Затихнет будто сил щадит;
Вдруг длину песню выстилает
Из горлышка, как холст;
Тут звонок,
И тонок,
Там толст;
Томен.
Огромен
Жалок, жесток.
Синен,
Умилен, низок, высок;
И столь искусные, не с ветру песни взяты.
Есть в каждой мысль строке;
От страсти выпекает,
И душу проливает,
Кому то тщится он быть слышал вдалеке;
Любовь гласят его свист, щелканье, раскаты.
Невинны ласточки по воздуху кружат,
И вьась опять вкруг дому,
Под кровлю им знакому,
Вить гнездушки спешат.
Все птички с нами,
Нет маленькой одной,
Мы вкруг обставлены красами
Без маменьки родной;
Нам все красы постылы.

Мы томны и унылы.
Без ней нам скучен рай,
Без ней нам свет, пустой сарай.
Скорее приезжай, дражайша,
Прибытье нам твоё
Роса с небес сладчайша,
Чем живо наше бытие;
Скорей нам дай тебя узрети.
Ты наша мать, твои мы дети,
С тобой спокойны наши сны,
Здоровее питье и пища,
И рай внутри всего жилища,
Ты нам приятнее весны.
Ах! Вспомни милаго Петрушу,
Тот образ маменьки своей;
Коль правда, что ему судьба влияла душу,
Подобную твоей;
Хоть братцов он моложе,
Есть столько смыслу у него
Сказать: мне маменьки дороже,
Нет в свете ничего,
Я жду тебя нетерпеливо,
Как Богу, маменьке я рад;
Воображаю живо,
Твою походку, речь и взгляд.
Лишь взором издали я твой приезд примечу,
На том Чернавы берегу;
Как быстрый я олень навстречу,
К тебе всех прежде побегу,
И маменьку драгую,
Всех прежде в ручку поцелую;
В ея объятия паду,
И в них весну и рай, все сладости найду.

232. К... ИЗ ЛОНДОНА

Монархи меж собой нередко брань творят,
Военным духом все писатели горят;
Коль так, пииты суть те власти остроумны,
Что для таких же вин войны заводят шумны;
Впоследок о царях дают потомки суд,
Ту ж с ними честь певцы и жеребий несут.
Не всякий славу царь мог в вечность распростерти,

Не всякий и пиит был славен с год по смерти,
Хоть в жизни принимал от многих плески рук,
Как царь, приветства в знак, — из многих пушек звук.
Хвал наших в жизнь труба, знакомых нам ватага
Ревет, что мы уже бессмертия у прага,
Руками что уже касаемся верей.
Мы пишем, умерли — верст со сто от дверей.
Честь наша после нас подвержена опале,
Что больше дней, то мы от храма славы дале;
350

Со мрущей так хвалой сквозь время чуть бредем,
Пока в бездонну хлябь забвенья упадем.
Вот наше кончится чем в свете стихотворство
Певцы! чем отвратить в потомках к нам презорство:
Сатиру ли, наш меч, на них употребить
Или заранее их имном ухлебить?
О просвещенные веков грядущих роды,
Примите вы мои всемилостиво оды!
Не баснословный бред, не обща то дрема,
Препоручаю вам — сокровище ума.
Я пел; струны мои казались очень звонки;
Приятели моих рассудки сильно тонки.
Бывало, как стихи прочту я в их кругу,
Свидетель Аполлон, все хвалят, я не лгу.
Я в жизни не с одним имел знакомство домом,
Где ни обедывал, меня зывали громом;
Я прах теперь, моя жива ль то в свете честь;
Молю, стихи мои не дайте моли съесть
Но дойдет ли сия к потомкам челобитна,
То тайна, никому из смертных неиспытна.
Коль стихотворну плоть червь в гробе мог поясть,
Диковинка ль стихам от червя же пропасть?
То правда, в разные идут они потребности:
Их под испод кладут, как в печь сажают хлебы;
Купцы, что продают различный смертным злак,
Завертывают в них хрен, перец и табак.
Идут они в дела, идут и в забобоны,
На мерки для портных и войску на патроны;
Ребятам на змеи, хлопущки и пыжи,
Свечам, окорокам копченым, на брыжи;
Плод разума, стихи ко всячине пригодны;
Со жребием людей судьбой своею сходны.
Всем общ нам к жизни вход; в ней разны тьмы смертей;
Стихам в свет путь один; из света — сто путей.

Я признаюсь, в стихах я сам жужжу, как муха —
Но это моего не оскорбляет уха;
Не всякий папою быть может кардинал;
Всяк ждет, чтоб на него сей жеребий упал
Спроси писца стихов, желает ли он славы, —
Смиранный даст ответ: он пишет для забавы,
Избыток в том лишь дней препроводить хотя;

Он меж парнасских чад невинное дитя;
Но загляни сему ты в сердце отрочати —
Там найдешь: «Я пиит: стихи мои в печати».
Но если дело всё в печати состоит,
То всякий грамотей вмиг может быть пиит;
Поставь слова твои в пристойные шеренги,
Поди в печатный дом и заплати там деньги,
Там вмиг твой тиснут слог, и выйдет мокрый лист,
Ты в ту ж минуту стал сатирищик иль лирист;
Пошел в дом с вечною в своем кармане славой;
Держай, ты деньги дал, ты стихотворец правый.
Теперь друзей своих к обеду пригласи
И слог твой по большим боярам разнеси;
Блаженства твоего и воссияло время,
Смотри, и канул лавр на стихотворче темя.
Вот тайна вся стихов: рука да голова,
Чернилица, перо, бумага да слова;
И диво ль, что у нас пииты столь плодятся,
Как от дождя грибы в березнике рождаются?
Однако мне жалка таких пиит судьба,
Что их и слог стоит не долее гриба.
Когда же все мы толь недолговечны крайне,
Другой какой-нибудь тут должно крыться тайне;
Знать, не от рифм одних и точных стоп числа
Зависит нашего удача ремесла.
Как те, что зрелища в театре представляют,
Людьми со стороны лиц скудость добавляют, —
Я зрел, толпился в них безграмотный игрок,
Но что он значит там? какой его урок?
Пусть он в театре был и в платье наряжался,
Стоял с копьём в руках и раза с два сражался,
С Дмитревским рядом шел; кто ж скажет: он игрец?
Он силы действ не знал; так точно и писец:
Как путный, на театр он рифменный выходит,
Берет перо меж перст и по бумаге водит.
«Вот етто, — говорит, — поставил я творог,

Так должен уж стоять в другой строке пирог». Прибравши так слова, он мыслит: сделал чудо, Что пред читателя вдруг выставил он блюдо.
Со всею худобой нескладицы, бредни,
Слывет он у своей писателем родни;
Великий умница и со смеха уморец, —

У знатоков прямых он жалкий рифмотворец.
Меж ним и игроком в том только разность вся:
Тот кликнут в дело был, а этот сам вплелся.
Обоим, станется, им быть в театре любо,
Тот, милой, спроста рад, наш писарь буй — сугубо.
Природа, видит всяк, в дарах к нему скупа;
Он мыслит: голова других людей тупа,
И, не сошлясь на свет, себя всех выше ставит;
Другой кто стань писать, он к буйству злость прибавит,
Вдруг вышлет на тебя сто надписей, сатир:
Ты смел потрясть его в умах людских кумир.
Даст жалом знать, кто он; он колокол зазвонный,
Гораций он в Морской и Пиндар в Миллионной;
В приказах и в рядах, где Мойка, где Нева,
Неугомонная шумит об нем молва;
Ходя из дома в дом, он сам ее сугубит;
Всем чтет свои стихи, чужих насмерть не любит.
И то сказать: он прав, кому не мил свой труд?
Стихи нам вместо чад; мы мозг ломаем тут.
Кто знает? может быть, при каждой он странице
Пыхтел и мучился, подобно роженице;
Так пусть, когда он чад с таким трудом родит,
Пусть матерски на них любит, глядит.
Гляди! лишь не кричи: «Мои другой породы!
Мои — как ангелы; у всех других — уроды».
Коль ты б за ангелов мне их не навязал,
Я детушек твоих за обезьян бы взял.
В чужих они глазах толико некрасивы,
Горбаты, сплющены, и хворы, и паршивы,
И живости-то нет, и в каждом три бельма,
И мысль-то свихнута, и рифма-то хрома.
Совсем увечные и гнусные калеки;
От совершенства миль на тысячу далеки;
Иной бы от людских в подполье крыл их глаз —
А ты нарочно их всем сучешь на показ.
«Да как же? — скажешь ты. — Мой люди слог читают
И хвалят; толку в нем, знать, много обретают».

Я, чаю, хаживал ты в театральный дом,
Комедиантов в честь слышал в нем плесков гром;
Как скоро князь иль граф ударит там в ладони,

То каждый из простых, подобием догони,
Без пощаженья рук сугубит общий треск,
Хотя не знает сам, чему сей платит плеск.
Спроси, зачем он бьет? — ударил, де, вельможа;
Толпа твоих чтецов на чернь сию похожа.
Какой-то там живет на Мойке меценат,
Что пестует твой слог, а ты тому и рад,
И думаешь, что в нем неведь какая сдоба,
Но истинных красот не знаете вы оба;
Не видит проку он, кроме тебя, ни в ком;
Причина вся тому, что ты ему знаком.
Так с богом успевай, пленяй, брат, пресны души,
Бесхитростны сердца, где Мидасовы уши.
«Как так, — ты говоришь, — я шлюсь на словаря,
В нем имя ты мое найдешь без фонаря;
Смотри-тко, тамо я, как солнышко, блистаю,
На самой маковке Парнаса превитаю!»
То правда, косна желвь там сделана орлом,
Кокушка — лебедем, ворона — соколóm;
Там монастырские запечны лежебоки
Пожалованы все в искусники глубоки;
Коль верить словарю, то сколько есть дворов,
Столь много на Руси великих авторóв;
Там подлый наряду с писцом стоит алырщик,
Игумен тут с клюкой, тут с мацами батырщик;
Здесь дьякон с ладаном, там пономарь с кутьей;
С баклагой сбитенщик и водолив с бадьей;
А всё-то авторы, всё мужи имениты,
Да были до сих пор оплошностью забыты —
Теперь свет умному обязан молодцу,
Что полну их имен составил памятцу;
В дни древни, в старину жил-был, де, царь Ватуто,
Он был, да жил, да был, и сказка-то вся тутю.
Такой-то в эдаком писатель жил году;
Ни строчки на своем не издал он роду;
При всем том слог имел, поверьте, молодецкий,
Знал греческий язык, китайский и турецкий.
Тот умных столько-то наткал проповедей,
Да их в печати нет. О! был он грамотей.
В сем годе цвел Фома, а в эдаком Ерема;

Какая же по нем осталась поэма?

Слог пылок у сего и разум так летуч,
Как молния, в эфир сверкающая из туч.
Сей первый издал в свет шутивную пиесу,
По точным правилам и хохота по весу.
Сей надпись начертал, а этот патерик;
В том разума был пуд, а в этом четверик.
Тот истину хранил, чтит сердцем добродетель,
Друзьям был верный друг и бедным благодетель;
В великом теле дух великий же имел,
И, видя смерть в глазах, был мужествен и смел.
Словарник знает всё, в ком ум глубокий, в ком мелок;
Рассудков и доброт он верный есть оселок.
Кто с ним ватажил, был друг ему и брат,
Во святцах тот его не меньше, как Сократ.
О други, что своим дивитесь работам,
Сию вы памятку читайте по субботам!
Когда ж возлюбленный всероссийский наш словарь
Плох разумов судья, плох наших хвал звонарь:
Кто ж будет ценощик сложений стихотворных,
Кто силен различить хорошие от вздорных?
Бери сто раз перо и по бумаге мычь,
Со всех концов земли к себе идеи кличь,
Три лоб свой, пружься, рвись — вмиг скажут наши строки,
Лже вдохновенны мы или истинны пророки.
Оставь читателей судьями дум твоих,
Есть Аполлоновы наперсники и в них;
Им шепчет в уши Феб, чей лучше слог, чей хуже,
Кто в Иппокрене пил, кто черпал в мутной луже.
Прямой стихов творец и таинственный муз
Есть тот, что в жизнь блюдет с добротами союз,
Из сердца истины в других сердца преносит
И никого, чтоб чел стихи его, не просит.
Свет знает и без нас, полезно что ему,
Где сердце зиждется, где пища есть уму;
Пчела не чересчур виется круг навоза,
Любимы ей места — нарцисс, пион или роза.
Купцы товар лицей, не горлом продают,
И только лишь в набат, коль нездорово, бьют.

233. ЕГО СИЯТЕЛЬНОМУ ГРАФУ ПЕТРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ
РУМЯНЦЕВУ-ЗАДУНАЙСКОМУ

Герою, муза, будь послушна,
Не медля в звонку желвь ударь;
Твой глас пространства царь воздушна,
Сердечных глас движений царь.
О отрасль красная Латоны,
Что строишь слух пленящи тоны;
Твой арфа, твой кифара, дар,
Лаврова ветвь твой, Дафна, жар;
Под росским небом дышит воин,
Всеродных почестей достоин;
Он имя, туркам гром, им вестных ужас гроз,
Заемлет от зари румяной, иль от роз;
Он роза нам, он терн Махмету;
Он, как заря, известен свету.
Ты сам его венчай!

Где, льясь, шумят струи Днепровы,
Эдем златочешуйных рыб;
Убежища зверей, дубровы
Цветут среди взоранных глыб:
Как ангел гор и рек хранитель,
Тут крылся Колберга теснитель,
Стрегущ не дремля свой округ,
Ко счастью смертным вождь и друг,
Во знаньи разум плодоносен,
И сообщать свой свет не косен;
Коль непрерывен ток хранима им Днепра,
Толь вечен окрест лил источник он добра;
Всем нрава тихостию равен,
И более щедротой явен,
Как сана высотой.

Веселости его: святилище Минервы
И книга естества, премудрый кою чтет,
Которого ни честь, ни зависть не мятет.
Как души он селян, так села прерождает:
Здесь бить велит ключам, тут рощи насаждает,
Бесчисленным семьям суд пишуц гражданин,
Домостроитель вдруг, герой и селянин.

Так древле Цинцинат, нив собственных оратай,
На бранном поле был неустрашимый ратай.
Но вертоградарь наш есть редкий дар небес,
Он сведеньем Улике, геройством Ахиллес,
Могущ своим умом сограждан вразумити,
Защитить их рукой и сильных рог сломити.
Ловитва днесь его: вепрь, заяц и елень;
Утеха вся — древес, садит которы, тень;
Во жительстве собой дает пример изрядства,
И, как отец среди обильна домочадства,
Всех равно любит, всех объемлет, как детей,
И кажет тысячи к блаженству им путей:
«Не беззаконуйте; то небо запрещает;
Оно карает злых, мзду правым обещает,
И множит жита их, и чада, и лета».

Он суд им тако возвещает,
Среди избытка их потреб;
Немудрых тако просвещает,
Себе врученной сферы Феб;
Как страшна буря вдруг дохнула
И брани молнией блеснула
С полдневной в тихий норд страны;
Султан облекся в гром войны,
Достигнуть Киева в надежду;
Гордыня дмит и галл невежду.
Коль мног во древни дни тек в южны гот край,
Толики Мустафа во север шлет рои;
То рать вселенной равноспорна,
То пруг голодных туча черна,
То лютых фурий тьма!

Ногами бурный конь топочет,
Зовущу к бегу вняв трубу,
Рвучись опять отведать хочет
Знакома подвига судьбу;
Возняв главу, протягши выю,
В воздушну ржанье шлет стихию;
Пустьясь несется, как Борей,
Лья дым и пламень из ноздрей;
Стреле подобен успеваает,
И ветер гриву возвеваает;

Всё бодр и смел и быстр, хоть пеною покрыт,
Стремится вдаль; дрожит от звонких дол копыт.
И се уж поприще кончает;
Стяжавца плесками венчает
Победоносен сам!

Так бодрый страж Днепра, вняв Марсов глас, воздвигся;
Кипит в его груди геройска гневом кровь,
Кипит, напрягшись, отечества любовь:
«Коль не по нашему сей свет течет желанью,
И должно ставить грудь, и брань свергати бранью,
Так пойдём поражать, и нам бог стрел знаком.
Подвигнемся, и свой в напутье возьмем гром».
То рекши, молнии летел в поля скорее;
И первого застиг, корысть мечу, Гирея,
Звиздяща со стремнин, средь скатов и окоп;
Несет против него геройских быстрость стоп.
Отвсюду заревев, орудья громометны
Воспламенившейся открыли ужас Этны;
Летящи сквозь эфир железные шары
Росят на злостных месть, колеблют нутр горы;
Густится мгла черняй, как ночи тень безлунной;
Ад адом сперт, умолк снаряд врагов перунный;
Их вождь и бодрости и стана обнажен,
Бежит с остатком сил, толпой пугливых жен;
Предстал пред очи холм, плачевна холм кладбища;
Лежат тела вокруг, волков и вранов пища,
Когда бы, сжалясь, росс не предал их земле.

Дымясь кровей татарских паром,
Едва обсох российский меч;
Всех молний ополчен ударом,
Визирь тот нудит вновь извлечь.
Сугубы силы чалмоносцов
Сугубят жар в ведущем россов.
Так Финикс тем сильней растет,
Чем вяща тяжесть сверху жмет.
Сперлись, ударились друг с другом,
Часть севера со целым югом!
Как в море, страх судов, не молкнет хлябь, урча,
Так жерла бранные рев дали воззвуча;
Земля и воздух потряслися,

Огней геенны разлилися
И крови, как вода!

В груди ведущая их героя
Геройства россы черпая дух,
Несут сомкнута ужас строя,
Стеной палящей движась вдруг;
Горами трудностей преляты,
Воспять не обращают пяты;
Ни чел, ни персей не щадят,
Смертьми дождимы, смерть дождят;
Сквозь вражки проломаюсь засады,
Их топчут, как скудель, преграды.
Ни крепки и на брань рожденные чресла,
Ни тела страшный рост, ни множество числа,
Ни изощренный меч как бритва,
Ни в Мекку теплая молитва —
Не может их спасти.

Как волк, что тек на лов, но льву попался в когти,
Коль ребра унесет, вон выкрутись, свои,
Бежит и по тропе кровавы льет ручьи;
Так львиной крепостью от россов турок встречен,
Побег; до Истра путь кровью его замечен.
Там тонет отягчен свинцом кагульских ран;
Крутит раздутый труп Дунай, его тиран;
Во чести мстить врагам бездушные стихии
Участвовать спешат с поборником России.
И се за Истром он! коль грозен туркам плен!
Всяк жизни час им смерть, гроб каждая крепость стен!
С высот Фракийских гор то видя, Марс чудится,
Ровнять с собой вождя россиян не стыдится.
«Сколь долго я, — речет, — с людьми ни обитал,
Не зрел, кто б так побед на крыльях летал.
Отныне на моей я ввек вселюсь планете,
Румянцев — Марс; почто двоим быть в том же свете?
Взгляни: лишь токмо он возложит брани шлем,
Пылает всюду месть, и сяжет смерть за Гем
Я знаю, шлет его сюда Екатерина;
Она ему, а ей споспешница судьбина».
Марс рек, и новый Марс вдруг миром брань венчал.

Ода на победы в Морее {1}

Возникла вновь краса всещедрыя природы,
Одушевлен весной эфир, земля и воды,
Летит из недр ее в моря, в луга зефир, -
Но варвар в бешенстве еще своем крепится,
Свирепствует и злится,
Еще смущает мир.

Ярься бурливого жесточе Аквилона,
Не слышит под собой трясущегося трона,
Не зрит воздвигнутых в свою погибель волн;
Евфрат, и Нил, и Тигр на помощь призывает
И брани умышляет,
Студа и срама полн!

"Пускай, - вещает, - мы на суше пострадали,
Пусть Днестр окровавлен и силы наши пали {2}, -
Другой против врагов поставлю я оплот:
Пловущим с робостью на море незнакомом,
Вооруженный громом,

Пущу навстречу флот".

Пустил, - не действуют дыхания воздушны;

Он нудит в море флот, - но ветры непослушны:

Не хочет быть ему споспешницей весна,

С Екатериной все животворить согласна,

Лишь варварам опасна,

Лишь им одним грозна.

И се с берегов Невы, из Севера {3} средины

Летят крылатые по бездне исполины,

Спешащи досягнуть полуденных концов!

Средьземный понт, стена, под ними утрашился:

В нем вдруг изобразился

Российских лик пловцов {4}!

Младый герои едва на брег ступил Мореи,

Уж в сердце той воздвиг российские трофеи!

Питомец муз и друг в плен варваров влечет {5}!

Другой свой нудит флот меж волн, шумящих грозно {6},

И сетует, что поздно

За братом вслед течет.

"Уж взят, - он мнит, - Модон, Коринф предастся вскоре,

Аркадию пленят, а я еще на море".

Герой! не негодуй: твой жребий не приспел;

Тебе остались Фессальские долины *,

Вход черныя пучины

И ужас Дарданелл.

Но ты, свершив сию, ты вновь начни осаду,

Орлов! от одного лети к другому граду;

Скрывай несчастливых простертых крил в тени,

Спасай и побеждай: с тобою щит Минервы {7};

На брег ступил ты первый,

Ты остров весь плени.

О, коль нечаянна, коль дивна там премена!

Спартане, распустив российские знамена,

Разносят по всему Пелопонису страх!

В участие войны окрестных созывают

И слезы проливают

С оружием в руках.

"Колико, - вопиют, - о небо, мы счастливы!

Герои наши днесь в прибывших россах живы!

Коль кроток оных нам, коль грозен туркам вид!

Аргольцы, навпляне, к сражению устройтесь,

Коринфяне, не бойтесь:

Во Спарте Леонид!"

Все стали в строй, текут, предводит их победа:.

Бежит из града в град поклонник Магомеда.

Уж стонет в их руках окованный ага, -

Вскипели вдруг сердца, от давних лет унылы,

Сугубит ярость силы:

На части рвут врага {8}.

Жестокосердым быть претит нам долг природы,

Но вам простительно, несчастные народы,

Стенавши всякий час под игом лютых бед.

И может быть, вас та ж природа вооружает,

Что кротость в нас вдыхает, -

Таков изд_а_вна свет.

Но, о отцы наук, порабощенны греки!

Утешьтесь, паки вам златы начнутся веки.

Достигла и до вас счастливая чреда.

Алфейски ** зрелища, умолкнувши поныне,

Вы в честь Екатерине

Восставьте навсегда.

* * *

По ним свои лета опять считать начните

И имени ее начало посвятите, -

Она за подвиги вам будет мзду дарить.

Во храме вольности, покоя и отрады

Вы образ сей Паллады

Век должны жертвой чтить.

А ты, смиряюша неистовство тирана,

Законодавица, победами венчанна,

Прими скрижаль и суд полудню возвести:

Во область, где цвели Ликурги и Солоны,

Пошли свои законы, -

Их будут век чести {9}.

Красуйся, славою Россия вознесенна!

Изумеваясь, зрит на мощь твою вселенна.

Не Бельт един тебе и Каспий платит дань, -

Тебе Средьземный понт колена преклоняет;

Тя равно возвышает

Под солнцем мир и брань.

1770

1 Морея - старинное славянское название полуострова Пелопоннес в Греции.

2 Имеются в виду успешные действия русских войск под командованием А.

М. Голицына, а затем П. А. Румянцева и П. И. Панина против турок в 1769 - начале 1770 г.

3 Север - здесь: Россия.

4 Речь идет об Архипелажской экспедиции русского флота. В 1769 г. Из Балтийского моря в Греческий архипелаг вышла первая эскадра адмирала Спиридова, затем вторая - Эльфинстона (всего - пять). Целью экспедиций была поддержка греков и славянских народов в борьбе против турок, блокада Дарданелл и т. д.

5 В начале 1770 г. русские десантные отряды под общим командованием Ф. Г. Орлова (1741-1796) при поддержке восставших греков овладели в Морее городами Модон, Мистра (Мизитра, в древности Спарта), Аркадия и т. д.

6 Имеется в виду А. Г. Орлов (1737-1808), главнокомандующий Архипелажской экспедицией.

* Греция, за Исфамом лежащая (прим. Петрова), т. е. северная часть Греции, находящаяся за Коринфским перешейком (Истмом).

7 Минерва - здесь: Екатерина II.

8 После взятия Мистры сдавшиеся турки были перебиты греческими повстанцами-майнотами (они считали себя потомками спартанцев).

** Алфей - река, на берегу которой находилась Олимпия, где проходили Олимпийские игры.

*** Греки считали лета свои по Олимпиадам.